

Илья ГИТАЛОВ

Из биографии

Окончил в Ростове-на-Дону среднюю школу, затем физико-математический факультет университета. Специального литературного образования не имеет. Перед самой войной заочно учился в Московском институте философии, литературы и истории. В 41-м призван рядовым, а год спустя после окончания артиллерийского училища назначен командиром батареи. На фронте — до февраля 1945 года. Награжден двумя орденами. В звании капитана был арестован (в его письмах была прослежена критика Сталина). Приговорен к восьми годам заключения. В 1957 году реабилитирован.

Веч. Москва. — 1999. — 19 июля. — с. 7

Солженицынские истоки

Солженицын все время живет с мыслью о родной Земле. И хоть досталось ему на ней и изгнан был из ее пределов, он вечно в думах о ее горе, ранах, судьбе. На всех ветрах могучий дуб... Восемьдесят колец времени, восемьдесят колец Праведника, и я всматриваюсь в них, составляющих жизнь, многим россиянам вовсе не известную.

Владимир ЧЕРТКОВ

...Офицеры материли Солженицына. В вагоне навряд ли кто знал это имя, вдруг объявившееся в «Новом мире», тем более в этом ночном вагоне, бегущем по только что уложенной колее от Ивделя к Оби. Малочисленный штатский люд думал: «Энкаведэшники полощут своего сослуживца». Поезд шел в зоне лагерей по рельсам начала 60-х и ехали в нем те, кто правил местными зеками, и вот в их мозгу не укладывалось, что кто-то, а не они, стал повелевать поступками подневольных людей. Может, это сильно сказано — поступками, но началось брожение умов, и человек, брошенный на колени, неожиданно начал подниматься в рост. И меньше стало заискивающих взглядов, к которым так привыкли, ощущая свою силу, эти офицеры в русской форме.

— Чего он там такого написал? Как бы почитать — ведь не достанешь...

— Один день зека-психа — не то Ивана Даниловича, не то Ивана Денисовича...

— Денисовича...
— Переплет стальной сделали, суки, чтобы, значит, не затрепалась книжница, и передают ее под большой залог, из отряда в отряд. Читая взахлеб, сволочи.

— И я ее тоже взахлеб, ночь напролет... Но это что же выходит — все, на чем стоим, враспыл, на обозрение, точно в цирке, мать его...

— Не у нас ли он сидел... Эх, знать бы заранее...

Вагон подбрасывало на плохо подогнанных стыках. Коптили свечи в фонаре под потолком, кто-то блевал, кто-то с жуткого похмелья стучал по бачку прикованной к нему цепью кружкой, проверяя наличие влаги, кто-то выл: «Шапку украли, отдайте!»

Вагон был «элитный», куда не всех пускали. Здесь хоть не дрались и не грозили «заточкой». У входа сидел, охраняя нас, мешковатый солдат. И было ясно, что в этом вагоне места для Александра Исаевича не существовало. Он болтался где-то на подножке, и в этой черной ночи со свечным огарком кто-то остервенело, яростно разжимал его пальцы, вцепившиеся в поручни вагона, всю стараясь, чтобы он полетел под откос, в болото приобской тайги. Снова?

Он был для нас просто человеком из России. А кто он, откуда, в какой среде рос — ничего не знали, да особенно и не задумывались тогда над этим, на одном дыхании читая «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор». Была жизнь, нам не ведомая, страшная, и была жизнь, текшая вроде как за перегородкой, до нас доносившаяся ее голова, но мы словно ничего не слышали. И многие прятли написанное Солженицыным, боясь скорой расправы за вольнодумие; к раскрепощению умов призывали писательские строки, и не какие-то там подпольные — это, скорее всего, и воспринималось с осторожностью. Не к добру. В нашей проржавевшей системе появился механизм совсем другого голоса, который выпадал из общего кукареканья, а кто это позволит кричать, когда еще все спят.

Таисия Солженицына, мать писателя, приехала из Саблы рожать в

Кисловодск. Будущий лауреат Нобелевской премии объявился в этом мире на улице Пушкина (позже переименованной в Богдана Хмельницкого) в доме своего дикого и свирепого деда — Захара Щербак, местного дачевладельца. К сожалению, дом, в котором родился Александр Солженицын, не сохранился — его снесли где-то в семидесятых годах. Так что памятную доску цеплять некуда — хлопот, выходит, никаких.

Он еще наведается сюда, обязательно наведается, Александр Исаевич. Сойдет с поезда и невольно вскинет голову — да, да, там, чуть повыше перрона его родная улица. И он устремится к ней. Пойдемте и мы за ним, видя впереди его спину. Ага, так оно и есть... Если раньше говорили: «Смотрите-ка, Федор Иванович Шалапин шествует». То теперь услышим: «Здравствуйте, Александр Исаевич, полной груди вам родного воздуха». Не скудеет талантами земля русская. Только вот цветы на могилы часто везем в Париж или еще куда...

Один местный, кисловодский искусствовед Борис Матвеевич Розенфельд рассказал мне об исчезнувшем архиве Марии Васильевны Крамер, очевидно, очень близкой подруги матери Александра Исаевича. Она умерла с десяток лет назад в Пятигорске и будто бы перед смертью уничтожила рассказы, письма, фотографии Солженицына.

— Я познакомился с Крамер случайно в конце шестидесятых и стал бывать у нее, — поведал Борис Матвеевич. — Она-то и показала мне дом, где родился писатель, познакомилась с некоторыми его произведениями, за что на нее озлился Солженицын. Тем не менее он очень вежливо ответил на мое письмо, в котором я просил уточнить место его рождения («Уважаемый Борис Матвеевич, я действительно рожден в Кисловодске и невольно люблю его за это»).

— А что-нибудь из имевшегося у Крамер вы переписали?

— Стихи, сочиненные в заключении, рассказы «На родине Есенина», «Захар — Калита», «Крестный ход», «Старое ведро»...

Крамер, Крамер... Не о ней ли, как подруге своей матери, выведенной под именем Ксении, упоминает Солженицын в «Августе четырнадцатого»: «Когда Ксения приезжала на каникулы домой, ее приводила в ужас атмосфера невоспитанности в семье. Однажды она привезла с собой Соню (свою подругу-еврейку), ее глазами еще острее ощутила всю эту неотесанную первобытность и чуть не сгорела от стыда».

...Я вошел во дворик с виду очень домашней — так и хочется привалиться к ней плечом — голубой церкви. Шла служба. И протиснуться туда, внутрь, поближе к теплу голосов хора не представлялось возможным — народу уже было плотно и на ступенях взошедших в храм. В возрожденный храм. И представилась эта картина, резкими штрихами нарисованная Солженицыным. Застывший перст на старушечьем лбу, чье-то испуганное: «Боже...» Недоговоренная молитва... И будто меня кто-то в спину толкнул, мол, посторонись, ишь, сопли развесил. Малевали на стенах: «Религия — опиум для народа». Под корень ее, под самый... Завтра и колокола назовем. «Первое впечатление всей моей жизни, — пишет Солженицын, — мне было, наверно, года три-четыре: как в кисловодскую церковь входя, остроголовые (чекисты в буденовках), прорезают обомлевшую, онемевшую толпу молящихся и прямо в шишаках, прерывая богослужение, — в алтарь».

Конечно, еще многое могла бы рассказать Ирина Щербак. Но я не успел и к ней. Хотя умершую, которая держала десятка три кошек, еще хорошо помнили соседи. Они и подкармливали старуху, когда-то унаследовавшую миллионное со-

«Да разве можно так осквернять прах предков ваших!» На могилах в карты играют, блюют с перепоя, а мы потом о какой-то нравственности... Проиграли ее вот на таких делах, в пух проиграли.

Заглянул в местную церковь, может, по регистрационным книгам могилку Таисии Захаровны сыщу. Не получилось. Узнал, что и Щербак не помогла бы мне. Ее соседка с начала тридцатых годов В. П. Кондакова как-то предложила: «Давайте навестим Таисию». А Ирина Ивановна в ответ клятвенно: «Вот те крест, не помню места!»

В тот же день я поехал в Саблинское, что в Александровском районе. Правда, село чаще зовут более выразительно — Сабля. Именуют

полгода после этого трагического случая.

А вскоре на плечи Семена Ефимовича обрушилось новое несчастье: умер сын Василий, оставив после себя дочку Ксению. Вот таким нерадостным получился для Солженицыных 1918 год.

Таисия Захаровна не часто, но появлялась в Сабле. И первым долгом заглядывала к матери Ксении. Объединяли их печаль и по потерянным мужьям, и радость — малые дети.

Когда Ксении исполнилось одиннадцать лет, ее приняли в колхоз. Словом, дали работу. А братя с голoduхи померли. Думала, что и самой скоро конец: не в поле же жить — дом отобрали. Но тут восемнадцатилетней девушке сделал предложение Тимофей Загорин. Стали жить собственное гнездо. Да не успели — началась Великая Отечественная. Муж с фронта не вернулся. Ксения Васильевна всю себя отдавала колхозу. Хранит удостоверение победителя социалистического соревнования. У нее три таких книжечки.

Когда Александр Исаевич жил в США, Ксения Васильевна приложила немало сил, чтобы найти адрес двоюродного брата. Просила о помощи советский Красный Крест, но там развели руками. Помог случай. Как-то к ней заглянул поэт Александр Марков, который и переправил ее весточку в США. И вскоре, в 1989 году, оттуда пришел ответ: «Дорогая сестра Ксения! Очень рад был твоему письму. Я так и догадывался, что ты за меня много претерпела...»

Да, Ксения Васильевна не стала скрывать от брата, что одно время после февраля 1974 года, когда указом Президиума Верховного Совета СССР писатель А. И. Солженицын был лишен гражданства, к ней в дом частенько наведывались «искусствоведы в штатском», косились на иконы, выспрашивали: не имеет ли каких-нибудь вестей от «родственника». Ничего полезного она им сказать не могла, но такого рода визиты рождали чувство внутреннего протеста. Только как его выразить? И старая крестьянка-колхозница отказалась от мужиной фамилии, вернула себе девичью — Солженицына. Да при выписке паспорта ее «нечаянно» написали с ошибкой: Солжаницына. Буквы попутали: вместо «е» поставили «а». Сына Владимира «законспирировали» еще основательнее. У него в документах значится — Салжаницын. Вот так они поддерживали родственника-изгоя. А ведь кто-то из родни фамилии испугался. Некоторые даже сменили ее. «Наверное, теперь жалеют», — предполагала Ксения Васильевна.

А еще через несколько месяцев пришло письмо от жены писателя.

Благодаря этим письмам она почувствовала живое, родное сердце, страдающее, отзывчивое, живущее большой надеждой — вернуться на родину. А то ведь знала о нем не больше остальных.

Боль, которая проникала в нас, исходила из всех Солженицыных, когда они говорили о земле. Ее отняли у них, как у матери — любимое дитя, как у мужа — жену, без которой не мыслишь жизнь, как кусок хлеба, самый воделенный, ибо он сотворен тобой — от колоска до горячего каравая. Земля была всем существом их, не частью, не крупной помыслов и дум, а тем огромным понятием, без чего все остальное — какое-то прилежание к чело-веческой жизни. От того-то и сшибаем куски по свету, что искоренили на земле хозяина. Что земля у нас стала подобием общего котла, а люди хотят есть из своих тарелок. И еще мало этого... Пырырывали хлеборобов да скотоводов, точно сулящие благополучие долголетие растения, а что получили? Рожон в зубы. Стала наша земля напоминающей пустой, неухоженный дом, и посмотрите, сколько окон в России без палисадинок и кустов сирени, сколько скучающей без яблоневых цветов земли...

Собрал ядреную антоновку хозяин, бросил ее в заплечную торбу, перекрестился на отнятый у него дом и двинулся под конвоем в далекую дорогу с припрятанной надеждой, что и в том, незнакомом и чудном для него месте вырастит пахучую антоновку, выстоявшую его дедами и прадедами.

И когда настала недолгая оттепель, их всех, Солженицыных, отпущенных от родного порога, потянуло на Ставропольщину — к своей колбыли. Приехала сюда и Вера Константиновна Щербакова, двоюродная сестра писателя. Схоронила на Урале отца с матерью, считалась по чужим людям, полной чашей испила то, что выпало на долю «кулацкого отродья». Ведь только так характеризовали всюду, где доводилось появляться.

...Дождались. Выпили за юбиляра — Александру Исаевичу 80 лет исполнилось. Жаль, не все дожили, кто встречи с ним чаял.

Борис КУДРЯВОВ

стояние. До восьмидесятых годов она жила на Ставропольщине, в Георгиевске, в доме №109 по улице Бойко. Ее мазанка под битой черепичной крышей, похожая на большую собачью будку, стояла в окружении тоже частных, добротных кирпичных домов. Именно сюда после ссылки наведалься писатель, именно здесь он часами расспрашивал Ирину Щербак об истории их семьи, и часть услышанного от нее вошла в книгу «Август четырнадцатого».

А теперь я прибегну к гамбургскому журналу «Штерн» самого начала семидесятых: «Все персонажи книги Солженицына, названные подлинными именами, мертвы, за одним исключением. Ее зовут Ирина, и автор представляет ее в самом начале повествования как очаровательную, молодую и очень богатую женщину, муж которой, Роман, одетый по английской моде, помещик. Кто такая Ирина? Репортер журнала Дитер Штейнер установил, что зовут эту женщину Ирина Ивановна Щербак, она приходится Солженицыну теткой, невесткой его матери».

А что же с матерью? Она умерла в 1944 году в Георгиевске от туберкулеза. Я долго искал ее могилу на старом, подготовленном под бульдозер кладбище. Собственно, взору предстала свалка, а не умиротворяющий душу погост. Орать хочется:

его иногда и Солженицыном, нет, не в честь писателя. Александр Исаевич здесь ни при чем. Люди помнят его деда — Семена Ефимовича Солженицына. До революции это был состоятельный хозяин. Имел около двух тысяч десятин земли, держал овец, число которых доходило тогда до двадцати тысяч. Понятно, в таком хозяйстве требовались помощники. Нанимал батраков. И тридцать, и сорок, и пятьдесят. Число их менялось в зависимости от особенностей каждого года. Но, как бы там ни было, себя Семен Ефимович от физического труда не освобождал. И домочадцев к тому приучал, прежде всего сыновей — Исаю, Василия, Константина, Илью. А дочь Мария была помощницей матери. В семье не знали распрей. Односельчане любили Семена Ефимовича — и совет добрый даст, и на подмогу никогда не попустит.

Из семьи Солженицыных на мировую войну ушел старший из сыновей — Исай. Ждали его долго. И вернулся офицер в дом с женой. Где-то на фронтовой дороге встретил землячку — из Кисловодска, и у них все сладилось. Жить переехали в курортный город. Правда, у отца Исай Семенович бывал регулярно, любил походить с двухстволкой по стенным просторам. На охоте и приключился с ним беда: смертельно ранил сам себя... Сын Александр родился в Кисловодске лишь через

19.7.99

Солженицын Александр Исаевич